

Страдать. Ждать. Надеяться

«Три сестры» рассказали о бессильной русской тоске в шекспировском театре «Глобус»

Руби Томпсон в роли Ирины, Мишель Терри в роли Ольги и Шенон Тарбет в роли Маши в спектакле «Три сестры». Фото: Йохан Перссон

15:35, 16 апреля 2025,

Елена Скульская

В шекспировском театре «Глобус» редко ставят других драматургов, и как бы ни любили англичане Чехова, до сих пор его пьесам не находилось места в самом знаменитом лондонском театре. Скорее всего, и сейчас «Три сестры», сыгранные на малой сцене, состоялись благодаря навязанным Чехову или реально найденным у него параллелям с самыми известными трагедиями Шекспира.

Проще всего мне было увязать с шекспировскими героями Соленого (Ричард Пирос), который, как мы помним, постоянно поливает свои руки духами, потому что они пахнут трупом. Сам он настаивает на своем сходстве с Лермонтовым, но это утверждение не мешает сделать отсылку к леди Макбет, которая пытается, но никак не может отмыть со своих рук кровь убитого Дункана и постепенно сходит с ума. Соленый приманивает свою жертву изdevательскими «цып-цып-цып», видя в своем сопернике Тузенбахе ничтожного цыпленка, но и леди Макбет убеждает мужа зарезать короля, когда тот простодушно, можно сказать, «по цыплячии», соглашается провести ночь в их доме. Соленый и Тузенбах, казалось бы, приятельствуют, казалось бы, предположить убийство невозможно, но ведь и Макбет доблестно сражался за Дункана.

Когда Соленый признается Ирине (Руби Томпсон) в любви и добавляет: «Ну да все равно. Насильно мил не будешь, конечно... Но счастливых соперников у меня не должно быть... не должно... Клянусь вам всем святым, соперника я убью...», то он теснит Ирину к стене, сжимает ей шею, лицо его становится зверским. Ирина задыхается, и ясно, что Соленый убьет не только соперника, но прежде задушит Ирину из ревности, как Отелло.

Заклинания трех сестер: «В Москву, в Москву...» схожи с послами трех ведьм Макбету: он сядет на трон, он будет неуязвим, «пока не двинется наперерез на Дунсинанский холм

Бирнамский лес». Так и разговоры о Большой Басманной и о Москве — (само)обман, ведущий к гибели. А в роли Гекаты, несущей разрушения, выступает Наташа (Натали Кламар), опутывающая своим безвкусным зеленым поясом, словно змеей, весь дом Прозоровых.

Но исчерпать Чехова отсылками к Шекспиру невозможно, и режиссер Кэролайн Стенбейс пытается понять, почему Чехов, русский писатель, становится во всем мире и во всем мире понятен.

Сначала в ход идут балалайки (в большом количестве), конечно же, самовар, украшенный какими-то бенгальскими огнями, герои в костюмах начала прошлого века, цыгане и ряженый медведь тоже предлагаются публике. Это нагромождение банальностей и стереотипов (да, я помню, Чебутыкин неизменно дарит Ирине на день рождения самовар, но сестры реагируют на утомительный подарок с откровенным раздражением) требует от режиссера со вкусом перевести чеховский текст в откровенный фарс, клоунаду, этакую комедию дель арте, исполняемую узнаваемыми персонажами на потеху «стоящих мест», как сказал бы Гамлет. Что режиссер и делает.

И тут главная комическая роль отдана мужу Маши (Шанон Тарбет) Калугину (Кейр Чарлес). С закрученными комическими усиками фигляра, жалкого конферансье, бездарного клоуна он вьется вокруг жены, бесконечно повторяя, что он безмерно счастлив, счастлив, счастлив. И его идиотский восторг только набирает силу, когда Маша отворачивается от него, влюбляется в Вершинина. Калугин ничего не замечает, он легок, весел, быстр, лишен не только разума, но и элементарного чувства

меры, зал хохочет, и он, подбадривая зал, умножает комикование, доводя его до кривлянья. И когда он говорит Ольге (блестательная Мишель Терри), что если бы не Маша, он бы женился на ней, то готов в эту же минуту и правда реализовать свой комплимент — за несколько секунд вообразить и пережить свою счастливую жизнь с Ольгой, не менее упоительную, чем нынешняя его жизнь с Машей.

Руби Томпсон в роли Ирины и Майкл Абубакар в роли Тузенбаха в спектакле «Три сестры». Фото: Йохан Перссон

Тузенбах (Микаэл Абубакар) страстно повторяющий, что он русский-русский-русский, смешон неимоверно, поскольку артист показывает, что «русскость» его герой изо всех сил симулирует, полагая, что Ирина не любит его именно из-за немецкого происхождения.

Все говорят о своем желании работать, но все свою работу ненавидят. Ольга бесконечно проверяет тетради и твердит, что хочет замуж — за любого. Только бы не быть учительницей,

только бы не листать одни и те же тетради. И Наташе она делает замечание по поводу неуместности зеленого пояса на розовом платье не столько оттого, что учительница и всех привыкла воспитывать, сколько от предчувствия Наташиного семейного благополучия: вот у этой, с ее зеленым поясом на розовом платье, будет муж, а у нее, у Ольги, не будет никогда.

И пояс совершенно ни при чем, все равно Наташа никогда его не сменит, она чувствует, что ее сила именно в зеленом поясле, именно такие, как она, нравятся мужчинам, торжествуют над другими, лишенными пошлости и тем самым привлекательности.

Вершинин (Пауль Рэди) со своими двумя девочками и сумасшедшей женой, выносящий интимные семейные проблемы на всеобщее обозрение, жалок и смешон в нескончаемом нытье и однообразных причитаниях. Это громадный, волосатый, брутальный мужчина, «русский медведь» как бы снимает перед нами свою внешность, а под ней — безволие, слабость, готовность подчиняться и никогда не иметь собственного мнения. Главное для него — не отстать от полка. Успеет ли он попрощаться с любимой женщиной или нет — дело десятое.

И весь этот нелепый балаган, бессмысленное кружение персонажей по маленькой сцене ничего в Чехове как будто не проясняют и не объясняют. Все словно находятся на необитаемом острове, куда не доходят известия о происходящем в мире. То есть в каком-то смысле мы возвращаемся к Шекспиру — к его «Буре».

Вот только учитель — Просперо — давно умер, и некому

обучить затерянные души человеческому языку, чтобы они наконец научились проклинать свое существование.

Майкл Абубакар в роли Тузенбаха и Ричард Пирос в роли Василия Соленого в «Трех сестрах». Фото: Йохан Перссон

«Три сестры» были написаны в 1900 году, поставлены в 1901-м. Надвигалась Русско-японская война — она началась в 1904 году, надвигалась Первая русская революция — 1905 год. Надвигалась смерть — жить Чехову оставалось четыре года. И абсолютно ничего из всех этих трагедий не коснулось драмы «Три сестры». Ни чахотка, которую бездарно лечили, запрещая Чехову мыться, что бесконечно раздражало его жену, уже без стеснения изменявшую мужу; ни одиночество, которого он всегда боялся до такой степени, что даже любил, когда ему мешали работать и звали ужинать или обедать; ни скука ялтинской жизни вдали от театра, где (Чехов писал об этом гневные письма Станиславскому) купцы будут вмешиваться в постановку его произведений. («Чайку» он назвал комедией, «Вишневый сад»

— комедией, «Три сестры» повысил до драмы.)

И вдруг обстановка на сцене меняется: актеры словно бы очнулись и отказались от первоначальной трактовки своих ролей. И загремела тема отдаленного светлого будущего: «Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец». И всем безумно хочется перенестись через эти двести, триста лет, оказаться уже там, где будет прекрасно, потому что так, как сейчас, жить невозможно, немыслимо, нестерпимо. Сейчас хорошо только старенькой няне, которая просыпается по ночам от счастья: есть у нее свой угол и своя кроватка, не выбросили ее на улицу, и нет на земле никого, кто может сравниться с ней удачей.

А остальные умрут, ничего не дождавшись, сгорят в своем ужасе. Ольга стоит над прощающимися Машей и Вершининым и строго говорит: «Хватит!» (даже глотка ворованного воздуха счастья им не положено); Ирина говорит Тузенбаху, что не любит его, а он отправляется на дуэль, на смерть, и она понимает это, но ничего не может с собой поделать: она, как и все, умеет жить только в пространстве беды и отчаяния, Тузенбаху из всех милостей жизни не досталось даже чашечки кофе. Ирина не ужасается смерти Тузенбаха, уже ставшего ее женихом, потому что она сама не живет, сама внутренне мертва.

Стюарт Томпсон в роли Андрея и Натали Кламар в роли Натальи Ивановны в «Трех сестрах». Фото: Йохан Перссон

В прозоровском доме все обречено смерти, останутся на земле только Бобик и Софочка — дети Наташи и Андрея (Стюарт Томпсон) — безмозглые существа, которым за отсутствием нормальных людей вокруг можно будет внушить что угодно, даже мысль о том, что жизнь в настоящем виде прекрасна.

Андрей только и знает, что тупо качать дитя — словно маятник в напольных часах он раскачивается из стороны в сторону, лишь бы не видеть ни своей наглой истеричной жены, ни ее отлучек к любовнику, только бы поскорее сойти из этого поезда жизни на полустанке смерти.

Тут возникает важный вопрос: а живы ли все персонажи пьесы? Не попали ли мы в ситуацию «Бобка» Достоевского и не подслушиваем ли разговоры, доносящиеся из могил? После смерти, согласно сюжету «Бобка», можно еще сохранить некоторые признаки жизни в течение примерно двух месяцев. То есть хотели помечтать о жизни, которая будет через двести-триста лет, а осталось-то всего несколько недель. И эти несколько недель пройдут в гробу, под землей, в могиле. И чем же это бесконечно повторяемая бессмыслица Чебутыкина: «Тара-ра-бумбия... сижу на тумбе я» отличается от доносящегося из гроба, где уже сгнил покойник, словечка «бобок»?

И тогда все эти балалайки, помятые мундиры, платья с турнурами, «многоуважаемые» шкафы — всё, что осталось от покойников, будет всегда пылиться в бюро ритуальных услуг — вдруг кто-то из заказчиков захочет одеть покойника в прошлое, в давно забытое, театрально недостоверное?

Нет никакой жизни и никогда не было.

Актеры затягивают на русском языке:

*Баю-баюшки-баю, не ложися на краю,
Придет серенький волчок и ухватит за бочок.
Он ухватит за бочок и потащит во лесок.
И потащит во лесок, под ракитовый кусток...*

Звучит колыбельная похоронным плачем.

А «Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса. И сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле...»